

Опять про левый поворот...

1 августа 2005 г. бывший глава НК «ЮКОС» и бывший олигарх Михаил Ходорковский, в настоящее время пребывающий в заключении, опубликовал в газете «Ведомости» свою новую статью «**Левый поворот**», в которой обосновал необходимость и предрёк наступление «левого поворота» в истории современной России. По мнению М.Ходорковского, к власти в стране вскоре придут прокоммунистические силы. Мы публикуем ниже полный текст этой статьи.

Обращаем Ваше внимание на две статьи 2004 года, посвящённые М.Ходорковскому:

1. «**“Покаяние” Михаила Ходорковского**»¹. Статья опубликована на сайте vodaspb.ru 4 апреля 2004 г. Это отзыв и комментарий к первой политической статье М.Ходорковского «Кризис либерализма в России» (опубликованной 29 марта 2004 г. в газете «Ведомости»).

2. «**“КУДА, «ОЛИГАРХИ»?»**»² (опубликована на сайте vodaspb.ru 5 июля 2004 г.).

Редакция сайта vodaspb.ru

5 августа 2005 г.

1 августа 2005 г., газета «Ведомости», № 139(1420)

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2005/08/01/95305>

или

сайт «Пресс-центр Михаила Ходорковского», <http://www.khodorkovsky.ru/speech/3074.html>

Левый поворот

Сегодня принято считать — и, к счастью, говорить, — что в стране неудержимо набирают силу авторитарные тенденции, причем в самом нетворческом, застойном, маразматически-черненковском варианте.

С этим трудно спорить. Однако неправы те многочисленные аналитики и наблюдатели, российские и зарубежные, кто связывает возрождение авторитарного застоя в России с Владимиром Путиным и его “ленинградской” командой. Пропуск в новейшую российскую историю авторитаризму выписали в 1996 г., когда очень специфическим образом Борис Ельцин во второй раз был сделан президентом России.

Я хорошо помню мрачноватый январь 1996-го. Тогда большинству либералов и демократов (а я, конечно же, не слишком вдумываясь в трактовку слов, относил себя и к тем и к другим) было трудно и тоскливо на душе от безоговорочной победы КПРФ на думских выборах — 1995. Но еще больше — от готовности многих и многих представителей ельцинского истеблишмента выстроиться в очередь к Геннадию Зюганову и, не снимая правильной холопской улыбки, получить прощение за все прежнее свободолюбивое буйство — вместе с пачкой свеженапечатанных талонов для сверхнового спецраспределителя.

Впрочем, в ту пору у меня и моих единомышленников не было ни малейшего сомнения, что Зюганов выиграет предстоящие президентские выборы. И вовсе не потому, что Ельцин, как тогда казалось, то ли тяжело болеет, то ли сурово пьет, то ли попросту утратил интерес к продолжению собственной власти. Мы тогда еще не знали умных политологических терминов, но уже понимали: изменилось нечто, что можно назвать национальной повесткой дня.

В 1990-1991 гг., посреди очевидной бессмысленности затянувшегося советского строя, страна бредила свободой. Правом быть собой, думать, говорить, читать, слышать и видеть, ездить за границу, не ходить на партсоборания и еженедельные политинформации,

¹ http://www.vodaspb.ru/russian/files/smi/20040404-pokayanie_Hodorkovskogo.html

² <http://www.vodaspb.ru/russian/files/smi/20040704-oligarchies.html>

забить болт на овощные базы и не отчитываться за каждый свой шаг перед первым отделом. Мы ждали демократии как чуда, которое само собой, безо всякого человеческого участия и усилия решит все наши проблемы на десятилетия вперед. И Советский Союз, стоит ему воспользоваться волшебным рецептом демократического зелья, всего за каких-то 400-500 дней (да и тех много!) станет очень большой, богатой и чистой Швейцарией. На худой конец — Финляндией.

Но к середине 90-х стало ясно, что чудо демократии как-то не задалось. Что свобода не приносит счастья. Что мы просто не можем быть честными, умеренными и аккуратными по-буржуазному, по-швейцарски. Перед страной и ее — нашим — народом стали в полный рост совсем другие вопросы:

справедливость: кому досталась советская социалистическая собственность, которую кровью и потом ковали три поколения? Почему люди, не блещущие ни умом, ни образованием, заколачивают миллионы, а академики и герои, мореплаватели и космонавты оказываются ниже черты бедности? Значит, не таким плохим был советский социализм, будь он трижды благословен и проклят одновременно...

чувство собственного национального достоинства: почему, когда мы жили в плохом Советском Союзе, нас уважал или, во всяком случае, боялся весь мир, теперь же, в дни свободы, презирают как недоумков и наглых нищих?

нравственность в политике: мы не любили ЦК КПСС и ЦК ВЛСКСМ за их цинизм и незаслуженные привилегии, но разве заслужили мы правителей вдесятеро более циничных и стократ более вороватых, чем партийные бонзы, которые на фоне новых кажутся уже милыми дачными дедушками и бабушками?

страх перед неопределенностью будущего, перед отсутствием цели: нас выкинули из старого ободранного “Запорожца” с ручным управлением, обещая пересадить в “Мерседес”, однако ж просто бросили в глухом закоулке вселенной на сырой грунтовой дороге. Где мы? В какой точке мира? И есть ли тут хоть какой-то постоянный источник света?

Хотели мы того или нет, но убедительно ответить на все эти вопросы мог тогда только Геннадий Зюганов. И потому я в числе еще 13 крупных (по тем временам) бизнесменов подписал в марте 1996 г. почти забытое сейчас обращение “Выйти из тупика!”. Идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили. Президентом России должен оставаться Борис Ельцин — как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен стать глава КПРФ. Потому что экономическая и социальная политика не могут не “покраснеть” — иначе “послевыборная война”, как говорилось в тексте обращения, неизбежна. Нужен левый поворот, чтобы примирить свободу и справедливость, немногих выигравших и многих, ощущающих себя проигравшими от всеобщей либерализации.

Компромиссный (и исторически оправданный) тандем Ельцин — Зюганов, как всем известно, не состоялся. Почему — лучше знают те, кто в отличие от меня был вхож в Кремль. Может быть, виноваты ближайшие ельцинские соратники, которые не хотели ничем делиться, пусть даже и ради предотвращения затяжной нестабильности. А может — Геннадий Зюганов, который то ли не хотел договариваться, будучи на 100% уверен в собственной победе, то ли, как считают теперь многие его товарищи по чувствам и перу, просто не хотел власти в России, прозорливо боялся этого страшного бремени.

Была избрана другая стратегия. Многомиллионные вложения и машина безграничных манипуляций общественным мнением во имя победы Ельцина. Несомненно, авторитарный сценарий. Ценности конца 90-х сложились именно тогда, и важнейшая из них — цель оправдывает средства. Если нам нужна победа, не пустим коммунистов в телевизор, а потом разберемся. Вытащим генерала Лебеда, чтобы отобрал у Зюганова 15%, а потом выкинем за ненужностью. Тогда журналисты стали превращаться из архитекторов общественного мнения в службу хозяев, а независимые общественные институты — в рупоры спонсоров. С июля 1996 г. мы знаем, что “бабло побеждает зло” — и только оно.

В 1996 г. Кремль уже знал, что пролонгировать праволиберальный ельцинский режим демократическим путем невозможно — в условиях состязательности и равенства всех соискателей власти перед законом Зюганов непобедим. Потом стало ясно, что и преемственность

власти в 2000 г. нельзя обеспечить без серьезного отступления от демократии. И так возник Владимир Путин с уже начавшейся второй чеченской войной на плечах и политтехнологическим сценарием, призванным обеспечить “стабильность во власти — стабильность в стране”.

Летом 1999 г., когда здоровье Ельцина вызывало все больше сомнений и вопросов, новое поколение кремлевских кукловодов просто решило, что для выживания режима необходим гигантский блеф. Надо сделать вид, что мы отвечаем на все ключевые вопросы застывшей в неизменности с 1995 г. повестки дня (см. выше), а в настоящей жизни, где власть, собственность и деньги, делаем все как раньше. Этот блеф и стал основным содержанием проекта “Путин-2000”. Авторитарного проекта, который явился прямым логическим продолжением и следствием проекта “Ельцин-1996”.

В 2005 г. противоречие ожиданий и реальности начало наконец раскрываться. Признаком того стали январские демонстрации против монетизации льгот. “Путинское большинство”, пусть и отравленное телевизором и вдохновенными требованиями “мочить в сортире”, вдруг поняло, что его просто использовали, а менять государственную стратегию никто и не собирался.

Так что сегодня перед страной стоят все те же неотвеченные вопросы. Повестка не изменилась. А воля людей к справедливости, к переменам стала тверже и ярче. И пусть 60-долларовый баррель нефти никого не вводит в заблуждение. Социальные взрывы случаются не там, где экономический крах, а где пришла пора распределять плоды экономического подъема. Не там, где все более или менее равны в нищете, а где 1% богатых и 9% относительно благополучных материально и психологически резко оторвались от 90% бедных и — что еще более важно — униженных. 2 млн подписей, собранных в мае — июне 2005 г. за всеобщую забастовку российских учителей, — это ли не доказательство того, что стабильность в стране иллюзорна, а “кризис назрел”?

Не надо сбрасывать со счетов то, что наши соотечественники стали к тому же гораздо жестче, чем были 10 лет назад. Неоднократно обманутые люди теперь не поверят новому блефу, даже очень замысловатому и витиеватому. В этом смысле судьба проекта “Преемник-2008” совсем не так проста.

Кремлевские политтехнологи опять — и еще тверже — знают, что этот государственный курс может сохраниться только антидемократическим путем. Что на честных выборах неизбежно победят левые. Потому и закручиваются гайки, и монополизирован телевизионный эфир, и избирательный закон меняется в направлении полного неучастия в выборах всех партий, кроме тех, которые на 100% подконтрольны президентской администрации. И запрящаются общенациональные референдумы, чтобы никто часом не узнал, за какие идеи и ценности на самом деле выступает народ.

Да только авторитетные социологические опросы (в том числе свежий опрос “Левада-центра”) не оставляют сомнений: ценности — левые. 97% жителей России — за бесплатное образование, 93% считают, что пенсия не должна быть ниже прожиточного минимума, 91% — за безусловный возврат дореформенных сбережений граждан. И здесь же: 81% — за возвращение к прямым выборам губернаторов, 59% — за восстановление института депутатов-одномандатников. Это и есть, собственно, программа следующей российской власти: государственный патернализм и демократия, свобода и справедливость — вместе, по одну сторону баррикад.

А значит, несмотря на все ухищрения, левые все равно победят. Причем победят демократически — в полном соответствии с волеизъявлением большинства избирателей. Мытьем или катаньем. На выборах или без (после) таковых. Левый поворот состоится. И когорты прямых продолжателей нынешней власти легитимной уже не будет.

Кремль может, конечно, питаться иллюзиями, что можно снова перекрыть бревном авторитаризма дорогу истории. Еще подморозить страну, ликвидировать последние неподцензурные газеты и радиостанции, арестовать счета тех, кто не слушается, и т. д. Но ресурс постсоветского авторитарного проекта в России исчерпан. Во-первых, потому, что ему противостоит народ, который ареста счетов не боится — в силу их отсутствия, — а свой выбор уже готов делать не по рекомендациям официальных СМИ, а по зову собственного исторического нутра. Во-вторых, чтобы в таком проекте идти до конца, нужны Ленин со Сталиным,

на худой конец — Троцкий: люди, бесконечно уверенные в собственной правоте, не мотивированные ничем, кроме своей идеологии и легитимированной ею власти, готовые за эту власть умирать и убивать. В Кремле сегодня таких людей нет и быть не может: интересы и жизненные устремления нынешних российских руководителей — к счастью и для них, и для остальной России — слишком меркантильны и буржуазны, чтобы можно было представить их в роли кровавых палачей и вешателей. Говорю об этом как человек, только что получивший от них девять лет тюрьмы.

В большинстве стран бывшего соцлагеря левые силы пришли к власти в середине 90-х и примирили свободу со справедливостью. В результате чего власть в этих странах избежала тяжелого кризиса легитимности — того самого, с которого начинаются все революции. Левый поворот вовремя не случилось только на постсоветском пространстве. Поскольку правящие группы посчитали, что можно избежать принципиального обсуждения реальной национальной повестки дня, соблазняя народ несуществующей стабильностью. В результате возникли и революция роз, и Майдан, и восстание желтых тюльпанов. И теперь, когда, например, украинская власть, рожденная на Майдане, ставит вопрос о пересмотре приватизации, обижаться и хвататься за голову нечего: если бы вопрос о легитимации приватизации правящая элита поставила 5–6 лет назад, то, быть может, и Майдана никакого бы не было.

Хочу оговориться, что пресловутая легитимация приватизации отнюдь не означает огосударствления экономики — национализации с переходом крупнейших предприятий под безраздельный контроль никому не подотчетных бюрократов. Напротив, результатом легитимации будет закрепление класса эффективных собственников, которые в народном сознании будут уже не кровопийцами, а законными владельцами законных предметов. Так что левый поворот нужен крупным собственникам никак не меньше, чем большинству народа, до сих пор неизбежно считающему приватизацию 1990-х гг. несправедливой и потому незаконной. Легитимация приватизации станет оправданием собственности и отношений собственности — может быть, впервые по-настоящему в истории России.

В составе следующей российской власти неизбежно будут КППФ и “Родина” — или исторические преемники этих партий. Левым же либералам (“Яблоку”, Рыжкову, Хакамаде и др.) пора определяться, войдут они в состав широкой социал-демократической коалиции или останутся на брызжащей, политически бессмысленной обочине. По моему мнению, обязательно должны войти — только самый широкий состав коалиции, в которой люди либерально-социалистических (социал-демократических) взглядов будут играть ключевую роль, избавит нас от зарождения на волне левого поворота нового сверхавторитарного режима.

Новая российская власть должна будет решить вопросы левой повестки, удовлетворить набравшее неодолимую силу стремление народа к справедливости. В первую очередь — проблемы легитимации приватизации и восстановления патерналистских программ и подходов в ряде сфер. Заниматься этим придется даже в том случае, если следующим президентом будет либеральный Михаил Касьянов или прямой путинский преемник — скажем, Сергей Миронов. Иначе государство взорвется, энергия протеста прорвет слабую оболочку власти.

Левый поворот в судьбе России столь же необходим, сколь и неизбежен. А Владимиру Путину, чтобы дать мирному левому повороту свершиться, много трудиться не придется. Надо — всего лишь — в конституционные сроки уйти на покой и обеспечить демократические условия для проведения следующих выборов. Только это гарантирует перспективу стабильного демократического развития страны без потрясений и риска распада.

Михаил Ходорковский

*частное лицо, гражданин Российской Федерации, ИЗ № 99/1, Москва
специально для газеты «Ведомости»*